

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А47

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*
Главный редактор проекта — *Вячеслав Бакулин*

Оформление обложки — *Михаил Пантелеев*
Карта — *Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Алексеев, Сергей.

А47 Метро 2033: Кочевник: [фантастический роман] / Сергей Алексеев — Москва : АСТ, 2019. — 320 с. (Вселенная Метро 2033)
ISBN 978-5-17-114947-5

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Цель охотника за головами проста — найти преступника и отдать в руки правосудия. Если не получается живым — тогда предьявить частями, подходящими под опознание.

Добытые в ходе последнего рейда сведения выводят бывалого наемника на след кровного врага. И без того сложная задача грозит стать вовсе невыполнимой. Чтобы добиться нужного результата, придется одолеть сотни километров песчаных равнин Южного Казахстана...

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114947-5

© Д.А. Глуховский, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ВОСТОК ДЕЛО ТОНКОЕ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

ВАДИМА ЧЕКУНОВА

Я искренне радуюсь каждому выходу нового «восточного» романа в нашей Вселенной Метро. Туннели, подвалы, шахты, подземные переходы и прочие «кротовьи норы», где в полумраке и сырости коротают дни те, кто сумел пережить Катастрофу, — да, все это обладает мрачной притягательностью. В их недрах клокочет своя, темная и злая сторона жизни, там таится невероятная нечисть и прорываются лучи человечности, есть место гнусности и подвигу — все, как и в обычной жизни, только сжатое низкими сводами и узкими стенами до настоящей эссенции.

Но со временем эта самая «сжатость» начинает сдавливать сознание, как тесный ворот — шею. Хочется схватить и рвануть, чтобы пуговицы брызнули и покатались, чтобы грудь вдохнула воздуха по самый край, а глаза изумились бесконечности пространства, представшего перед ними...

Казахские степи и равнины — вот уж где есть разгуляться и добру, и злу, и человеку как их вместилищу.

Все более уверенно наш восточный сосед занимает свою нишу в локациях. Сначала Казахстан упоминался в романе Андрея Дьякова «За горизонт». Потом харизматичный автор Шамиль Алтамиров, зна-

ющий местность не понаслышке, дебютировал с романом «Степной дракон», из которого любители экзотики и легенд могли почерпнуть немало для себя интересного. И вот пришел черед динамичного романа-путешествия «Кочевник», написанного Сергеем Алексеевым. не будет лишним упомянуть, что Сергей — давний приятель Шамиля. И он тоже самым близким образом знаком с обычаями, нравами, законами и природой пыльных степей. Значит, нас ожидает увлекательный, насыщенный местным колоритом рассказ о людях и об их устремлениях. А устремления эти далеко не всегда праведные. Со страниц романа так и доносятся пыль и жара, дурманящий дым, слышится запах пота и страха, который то и дело перебивается парным духом свежей крови...

Впрочем, нам, пока еще живущим в относительно мирное и благополучное время, трудно судить о том, что на самом деле является праведным и как нам самим следует поступать в некоторых случаях. Конфуций учил: на добро следует отвечать добром, а на зло — справедливостью. Поэт Фирдоуси пояснял, что такое справедливость: «Чтоб быть справедливым возмездье могло, лишь злом воздавать подобает за зло». Автор неслучайно взял эти слова в качестве эпиграфа — зла в романе хоть отбавляй, но далеко не все оно творится ради темных целей.

Отдельно хочется сказать пару слов о попутчице главного героя Шала — китаянке Фань. На мой взгляд, это один из самых удачных, трогательных и живых женских образов в нашей Вселенной Метро. Возможно, конечно, что долгое проживание на Востоке сказалось на моем восприятии этой героини. Или то, что моя жена — тоже китаянка. Но мне кажется, образ ее удался в первую очередь потому, что сам автор понимает — в жизни просто обязано быть что-то светлое. Пусть хрупкое и недолговечное, но — обязано.

А мы обязаны его беречь. Даже если это кажется невыполнимым.

Чтоб быть справедливым возмездье могло,
лишь злом воздавать подобает за зло.

*Абулькасим Фирдоуси (935 г. — 1020 г.)
персидский и таджикский поэт*

ПРОЛОГ

Июнь 2033 года

г. Тараз

Шымкентский Каганат

Обстановка притона бесила. Клубы дыма из длинной опиумной трубки смешивались с гарью чадящих бараньим жиром светильников в полумраке подвала и вызывали отвращение. Судя по редким конвульсиям и сдавленным вскрикам, тело на полу у стены было далеко от блаженства, пребывая в плену кошмарных видений. Гул голосов в верхнем зале, прерываемый взрывами смеха анашистов, и заунывная мелодия в исполнении сидевшего в углу наркомана разговаривать не мешали. Мешал только дым. От него свербело в носу, слезились глаза и хотелось быстрее выйти на улицу и полной грудью вдохнуть чистого воздуха. Но собеседник никуда не спешил — временами его накрывала внезапная сонливость, и он начинал клевать носом, забывая обо всем, и давно бы растянулся на тонкой кошме, только разреши.

Чайхана на южной окраине города жила своей жизнью. Ленивой, размеренной жизнью любителей чая и дурманящих средств, не терпящей спешки, где все заботы можно было оставить за порогом и отдать сознание во власть наслаждения. Неважно какого. Пара затяжек или легкое, окрыляющее удовольствие от обжигающего чая, заваренного с толчеными корочками мака — кукнаром, способного одним только

запахом всколыхнуть целый пласт воспоминаний двадцатилетней давности, как бы тщательно их ни старались хоронить где-то на задворках памяти. Либо же тяжелое опиумное отупение, погружающее разум в запредельные дали, которые породил одурманенный мозг. Все зависело от того, с каким душевным грузом переступить порог чайханы «Нават» и для чего. Просто поговорить, узнать свежие новости Каганата от челноков и караванщиков, или все же отрешиться от реальности тягот бытия в изменившемся ненадолго мире.

Слуга-китаец, искусно лавируя между застывшими в разных позах заторможенными курильщиками, принес пиалу и покрытый копотью медный чайник с высоким узким горлом. Поставил поднос прямо на пол, почтительно поклонился и застыл в ожидании платы. Получив патрон «пятерки», с несвойственной для этого места стремительностью удалился, словно его тут и не было, и только чайник напоминал о недавнем присутствии слуги.

— Эй, Кайым! Не спать! — одернули наркомана, снова пытающегося принять горизонтальное положение.

— А? — Мутные глаза уставились на силуэт сидящего перед ним человека. — Ты кто? Сагынтай?

— Сагынтай, ага.

— А-а-а... Саги, — заулыбался Кайым, медленно растягивая слова. — Пришел...

Сагынтай плеснул в пиалу горячего чаю на глоток и втянул ноздрями запах. Нормально, как и заказывал, без всяких наркоманских примесей. Божественно.

— Будешь? — Ему протянули трубку.

— Нет. Не хочу.

— Зря... — Одурманенные глаза снова закрылись.

— Где Ахмед? — Сагынтай отхлебнул чаю.

— Он же говорил... Ты не помнишь?

— Не помню! — хмыкнул Сагынтай и пояснил: — Я вчера курил. Утром еле сообразил, как меня зовут. Зато вспомнил кое-что другое. Поэтому мне нужно срочно встретиться с Ахмедом. Давай расскажи, где его найти, и сиди тут себе дальше.

Кайым снова закрыл глаза, словно и не слышал, что ему сказали.

— Не спать, осел! — процедил Сагынтай и несильно стукнул по державшей трубку руке. — Ахмед где? — тупость собеседника раздражала уже донельзя.

— Ушел. На восток куда-то, велел тут ждать. И вообще, ты чего столько вопросов задаешь? — тихо возмутился наркоман. — Мент, что ли?

— Сам знаешь, как наутро бывает трудно вспомнить что-то, — стал оправдываться Сагынтай. — Вот и я стал многое забывать.

— Все не забудешь, — уверенно возразил Кайым, — я, наоборот, многое вспоминаю, когда курю... Ха! Ты помнишь Кентай¹? — Он засмеялся. — Помнишь Жайсулу? Красивая такая, мне понравилась очень. Часто ее вспоминаю... И выносливая. Сколько нас было, пятеро? Или шестеро? Всех выдержала, сучка... Можно было еще туда смотреться. Зря ты ее зарезал... Развлеклись бы снова.

— Я помню джайляу² у Гранитогорска, — процедил Сагынтай и снова налил себе чаю.

— Это когда было? — Кайым нахмурился.

— Лет восемь-десять назад.

— Блин, давно... Не помню.

— Вспоминай. Женщины, старики, дети. Мужчины на охоте были. Скот еще оттуда угнали, вырезав всех, кто там был.

— Это не там, где Ахмед по ним из лука стрелять учился? А мелкоту заставлял бегать по крыше санатория и прыгать с нее дальше, выше, точнее? Ха, помню! — Наркоман довольно заулыбался и затянулся трубкой. — Охрененное время было... Веселое.

— Так куда он сейчас ушел?

— Да в Луговой! Или Кулан. В ту степь, короче. Вернется, пойдём в Шымкент. Сказал пока найти тебя и Ермека... И тут ждать. А ты сам пришел.

— Ермек где?

— У Шолпán...

— Где это? — терпеливо допытывался Сагынтай.

— В Таласе.

— Талас большой поселок, точнее давай!

— Последний дом у поворота! Улица еще называлась в честь борца... Не помню... Э! Ты че, — встрепенулся Кайым, — ты же был там! Сам рассказывал, что пока Ермек спал укуранный, ты ее...

— Забывчив стал, прости.

¹ Кентай — поселок в Жамбыльской области.

² Джайляу — летние пастбища в горах Средней Азии.

Сагынтай достал табак, свернул самокрутку и, подняв светильник, прикурил от хилого огонька, добавляя свою порцию чада в общую атмосферу притона. Крепко затянулся, выдыхая дым в лицо собеседнику. Наркоман, щуря мутные глаза, затряс головой.

— Ты же не Саги... У него нет усов...

— Верно. Не Саги, — хмыкнул «Сагынтай» и отставил светильник.

— Кто ты?

— Да какая теперь тебе разница? В конце жизни-то?

— Кто ты?! — вскричал Кайым, сунув руку за пазуху.

«Сагынтай» дождался, когда из-под халата появится пистолет, пожал плечами и улыбнулся.

— Шал¹. Из Гранитогорска.

Подавшись вперед, он крепко прижал оружие к колену собеседника, не позволив передернуть затвор. Можно воспользоваться и пистолетом, но стрелять тут нельзя. Слишком много вооруженных людей наверху, и если начнут разбираться, почему застрелили одного из посетителей, причина пальбы может не понравиться. Не все любят охотников за головами.

Резко вырвав из руки курительную трубку, Шал сломал ее об пол и со всей силы вогнал острый конец деревянного огрызка в горло Кайыма. Тот захрипел и, булькая кровью, завалился на спину.

Шал схватил его за запястье, не позволяя прикрыть рану, и отвел окровавленную ладонь в сторону. Зачем оттягивать смерть, если ранение такого характера несовместимо с жизнью. Один из курильщиков, привлеченный криком, оторвал голову от покрывала и подслеповато всматривался в их сторону. Ничего не понял, застонал и свернулся калачиком.

Когда Кайым перестал биться в агонии и затих, Шал вытер попавшую на руку кровь об его одежду, бросил окурки в пиалу и поднялся из подвала в верхний зал чайханы. Презрительно сморщившись от сладковатого дыма, оглядел помещение, высматривая давешнего слугу среди посетителей, и заметил пару знакомых по ориентировкам лиц. Ага, значит, потом еще нужно сюда зайти. Пообщаться за жизнь. Китаец появился сам.

— Ли? Си? Цин? — брякнул первое пришедшее на ум.

¹ Шал — старый.

— Ли, господина, Ли. — Слуга, подобострастно кивая головой, заулыбался. Доволен, что спросили имя. Большинство присутствующих имя тени, снующей между ними, интересовало мало.

Шал протянул ему два патрона.

— Там моему другу плохо стало. Похоронишь его как-нибудь. Подалее отсюда и без особого шума.

Китаец сокрушенно покачал головой.

— Какой неясный день. Какой неясный день.

— Так бывает, если переборщить с опиумом.

— Похолоню. Похолоню, — слуга поклонился.

Покинув чайхану, Шал наконец-то вздохнул полной грудью.

— Неправ китаец. Сегодня неплохой день, хоть и жарко.